

Полли Завадивкер

(Ньюарк, Делавэр)

Кандидат исторических наук, доцент

Исторический факультет Университета штата Делавэр

E-mail: pollyz@udel.edu

ORCID: 0000-0002-8470-216X

Сибирь как «новый еврейский центр»: план переселения беженцев в годы Первой мировой войны

Аннотация: Во время Первой мировой войны за весну и лето 1915 г. около полумиллиона (а по некоторым оценкам, до миллиона) еврейских гражданских лиц бежали или были изгнаны русской армией из прифронтовых зон на литовских и польских территориях. В представленной статье рассматриваются вопросы, связанные с идеей переселения еврейских беженцев в Сибирь. Это предложение было высказано лидерами еврейских благотворительных организаций в Петрограде, в частности, экономистом Б. Д. Бруцкусом. Так называемый план Бруцкуса и реакция на него демонстрируют важные особенности. Во-первых, это показывает, что российские еврейские интеллектуалы мыслили в имперской системе координат. Во-вторых, вызванная этим планом негативная реакция сибирских евреев свидетельствует о поразительной гетерогенности еврейского населения России. Наконец, благодаря оппонентам плана обнажились разногласия внутри еврейского национального движения (в основном между сионистами и антисионистами) в отношении вопросов миграции и переселения.

Ключевые слова: миграция, беженцы, переселение, сионизм, гуманитарная помощь, русские евреи, Первая мировая война, Сибирь.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.07

Начинался второй год Великой войны. 20–23 августа 1915 г. по инициативе Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО) в Петрограде собрались 117 лидеров еврейских общин и представителей гуманитарных организаций. Один из наблюдателей, известный нам под инициалами Л. Л., писал, что это мероприятие – «и не съезд, и не совещание в обычном смысле слова» [Л. Л. 1915, 16]. За четыре дня делегатам предстояло найти ответ на один-единственный вопрос: как помочь сотням тысяч российских евреев, оказавшихся в первый же год войны беженцами [Съезд 1915а, 17]¹. Только за весну и лето 1915 г. около полумиллиона

---

¹ О ЕКОПО см. [Sverdlova 1987; 1989; Бейзер 1999, 236–244; Певзнер 2010].

(а по некоторым оценкам, до миллиона) еврейских гражданских лиц бежали или были изгнаны русской армией из прифронтовых зон на литовских и польских территориях. В поисках приюта эти люди, в одночасье ставшие бездомными, метались по всей Российской империи. «Теперь же мы явимся на Волге, на Каме, на Урале», – писал Л. Л. – «Все еврейское население превратилось в сплошную массу беженцев» [Л. Л. 1915, 16].

Группа, собравшаяся в большом зале еврейской богадельни, построенной на деньги М. А. Гинзбурга и носящей его имя, выглядела достаточно пестро: женщины и мужчины, общинные лидеры и работники благотворительных организаций, депутаты Думы, раввины, юристы, врачи, студенты – выходцы из самых разных социальных слоев, исповедующие самые разные политические взгляды. Сам факт, что на съезде присутствовали делегаты из 58 губерний (включая Архангельскую, Томскую и Иркутскую), свидетельствовал о том, что во всей империи уже не осталось уголка, где не появились бы еврейские беженцы из черты оседлости [Л. Л. 1915, 17].

Горстка делегатов щеголяла в элегантных фраках, которые, впрочем, казались «печальными и неуместными». Большинство же участников «прибыли сюда прямо из очагов и приютов выселенцев или беженцев». Выглядели они измученными и одеты были кое-как. «В их глазах вы читаете весь ужас пережитого и переживаемого». На пути каждый из них встречал тысячи и десятки тысяч таких же потерянных людей. И теперь они, «вырванные из почвы своей... на остатках своего “добра”... обсуждают вопрос – Куда?!» [Л. Л. 1915, 16].

Один из наиболее провокативных ответов на этот вопрос дал известный экономист Б. Д. Бруцкус. На третий день съезда он выступил от имени Комиссии по расселению беженцев ЕКОПО с докладом, в котором предлагал организовать добровольное массовое переселение еврейских беженцев в Сибирь, которая «обладает всеми необходимыми предпосылками нового еврейского экономического и национального центра». По словам Бруцкуса, у Сибири блестящие экономические перспективы: благодаря своим природным ресурсам она уже сегодня готова «играть первенствующую роль на мировом рынке»; население региона в последние десятилетия стремительно растет. Упомянул докладчик и об обстоятельстве, особенно значимом для еврейского меньшинства: в тех местах отсутствует «коренная буржуазия», а значит, не стоит опасаться «антисемитизма на экономической почве» [Съезд 1915б, 32]. Бруцкус напомнил аудитории, что страны Северной Америки за последние тридцать лет приняли миллионы эмигрантов из Восточной Европы, в то время как приграничные российские земли, простирающиеся от Урала до Тихого океана, куда более обширны и гораздо менее населены. Миллионы русских крестьян в поисках земли уже обрели там желаемое. Еврейское население, по мнению Бруцкуса, могло бы последовать их примеру и

расширить свои экономические горизонты, направившись на сей раз не на запад, а на восток, на территорию, которая «может принять <...> не тысячи, а сотни тысяч». «Мне представляется, – напишет Бруцкус вскоре после съезда, – что на обширной территории Российской империи есть район, который как бы ждет евреев» [Бруцкус 1915б, 13].

Бруцкус предлагал нечто большее, нежели абстрактную идею: в его выступлениях на съезде ЕКОПО и текстах, позднее опубликованных в еврейской прессе, содержалось целостное, систематическое видение инфраструктуры, подкрепленное экономической теорией. Иными словами, он предлагал план. «Сибирский план» Бруцкуса и реакция на него еврейских современников и есть предмет настоящей статьи.

Непосредственным контекстом «Сибирского плана» стал гуманитарный кризис миллионов беженцев – как еврейских, так и нееврейских. Выступая на открытии съезда, петроградский делегат М. Н. Крейнин употребил распространенное тогда еврейское выражение «блуждающие поезда» для описания отчаянного положения беженцев, депортируемых отовсюду в «поездах, следующих без определенного направления, перебрасываемых с места на место и попадающих в какой-нибудь пункт совершенно случайно и неожиданно» [Съезд 1915а, 20]. Большую часть еврейских и нееврейских беженцев из Литвы и Латвии отправляли в южные губернии черты оседлости, в основном в Полтавскую и Екатеринославскую, но когда они оказались переполнены, местные власти стали отсылать пришельцев поездами вглубь страны, начиная с Пензенской, Тамбовской и Воронежской губерний. В прессе появлялись душераздирающие рассказы о людях, которых неделями держали в товарных вагонах, где царили голод, холод и болезни. Во внутренние провинции эти несчастные прибывали фактически в статусе нелегальных мигрантов, не имея права на жительство и неся на себе клеймо депортированных [Gatrell 1999, 54].

Вопрос о расселении беженцев осложнился еще больше, когда 13 августа – всего за неделю до съезда ЕКОПО – министр внутренних дел Н. Б. Щербатов издал циркуляр, дававший евреям временное право селиться вне черты оседлости, но на деле сохранявший ряд ограничений: так, евреям было запрещено селиться в столицах, деревнях, казачьих станицах, а также областях, подведомственных Императорскому двору и Военному министерству [Законы 1916, 1:103]. В еврейских кругах циркуляр был встречен с большим разочарованием и даже негодованием. Лексикон русского еврейства обогатился термином «новая черта»².

Делегаты съезда ЕКОПО, в свою очередь, также выразили возмущение циркуляром Щербатова, который «оставляет нетронутыми основы еврейского бесправия» [Съезд 1915а, 23]. О. О. Грузенберг назвал документ

² См., например: [Алейников 1915, 3; Чернович 1915, 21–23; Прусаков 1916, 1].

«шатким актом» и оскорблением «еврейской совести и чести». «Имеем ли мы [русские евреи] право радоваться распоряжению, за которое так дорого заплачено?» – задавался вопросом защитник Бейлиса [Херути 1915, 16].

Все знали, что авторы циркуляра руководствовались отнюдь не интересами самих евреев. 4 августа состоялось заседание Кабинета министров, протоколы которого были опубликованы в прессе. Из стенограммы явствовало, что к решению «приоткрыть» черту оседлости министров подстегнули конспирологические опасения, связанные с беспорядками, которые могут устроить еврейские беженцы, если допустить их бесконтрольное скопление на той или иной территории: они могут навлечь на Россию эпидемии, революционные волнения, погромы и даже гнев западных союзников, чреватый отказом в военных кредитах [Gatrell 1999, 147]³.

В то же время значительная часть еврейских лидеров, не заостряя внимания на сомнительных мотивах законотворцев, восприняла циркуляр 13 августа как поворотный пункт в истории и законодательную победу, за которую десятилетиями боролись как юристы, так и неофициальные лоббисты (*штадланим*). Стена, воздвигнутая российскими властями в конце XVIII в. для того, чтобы предотвратить наплыв евреев во внутренние провинции империи, наконец рухнула. Крейнин, понимая, что перемены нельзя назвать полноценной эмансипацией, все же признавал: «бреешь в твердыне нашего бесправия» пробита [Съезд 1915а, 19]. Некоторые участники съезда пошли еще дальше: в циркуляре они увидели возможность не только справиться с проблемой беженцев, но и повысить коллективный статус евреев как народа. Примерно в таком духе рассуждал Бруцкус, предлагая Сибирь на роль «нового еврейского центра».

Полностью реализовать «Сибирский план» Бруцкуса не удалось: по имеющимся данным, в период с июля 1915-го по январь 1917-го к востоку от Урала поселились 13 000 еврейских беженцев (примерно 6% от общего числа зарегистрированных ЕКОПО в течение Первой мировой войны – 238 000) [Прусаков 1917, 13–14; Голдберг 1918, 156]. На первый взгляд, план действительно может показаться чуть ли не пустой фантазией, но во многом он был продуктом своей эпохи. Сам план и реакция на него позволяют сделать несколько наблюдений о том, что представляла собой жизнь российских евреев не только непосредственно в годы войны, но и на более долгом отрезке времени, когда империя близилась к закату.

В настоящей статье рассматриваются три проблемы, связанные с планом Бруцкуса: во-первых, план переселения евреев в Сибирь показывает, что российские еврейские интеллектуалы, вроде самого Бруцкуса, мыслили исключительно в имперской системе координат; во-вторых,

³ См. также [Гольдин 2018, 347–361].

реакция сибирских евреев свидетельствует о поразительной гетерогенности еврейского населения России; наконец, в-третьих, благодаря оппонентам плана обнажились разногласия внутри еврейского национального движения (в основном между сионистами и антисионистами) в отношении вопросов миграции и переселения.

Ранние исторические работы, посвященные российскому еврейству времен Первой мировой войны, рассматривали еврейский опыт, концентрируясь либо на динамике гонений, либо, наоборот, на борьбе евреев с преследованиями, будь то усилия, направленные на обретение некой формальной автономии или попытки открыть обществу глаза на творящуюся несправедливость и необходимость помощи нуждающимся⁴.

Подобный дуализм, однако, не отражает всей сложности взаимоотношений евреев и государства в годы войны. Например, более половины средств на помощь беженцам (около 55%) еврейские организации получали от правительства. Сам ЕКОПО фактически функционировал под эгидой Министерства иностранных дел [Отчет ЕКОПО, 13]. Таким образом, учитывая контекст, можно утверждать, что для Бруцкуса «Сибирский план» был проектом имперским и колониальным. Бруцкус характеризует Сибирь как «край, усиленно колонизируемый», а целевую аудиторию своего проекта описывает не как беженцев, а как «энергичных представителей молодой крепнущей буржуазии» – агентов колониализма, которые «направятся пионерами на Восток, в далекую Сибирь» [Съезд 1915б, 32]. Автором безусловно двигало желание решить актуальную проблему российского еврейства – кризис беженцев, – но не только оно. Речь шла о послевоенном будущем, и план мог позволить заново обустроить еврейскую жизнь в Российской империи. Он предлагал схему организованной массовой миграции, которая отвечала бы как еврейским интересам, так и экономическим и геополитическим интересам державы, на протяжении веков стремившейся заселить и освоить громадные восточные территории – процесс, значительно ускорившийся в начале XX века благодаря развитию железных дорог и Первой мировой войне [Месяцев 1926, 12; Кальмина 2014].

В силу вышеизложенного «Сибирский план» является частью более масштабного академического дискурса – так называемого еврейского имперского поворота. Современные исследователи отмечают, что, отстаивая свои национальные интересы, даже в годы Первой мировой войны, то есть *в то самое время, когда евреи подвергались преследованиям со стороны и государства, и военных*, российское еврейство не противостояло империи, а действует в унисон с ее системой ценностей [Katz 2017, 5]⁵.

⁴ О преследованиях см. [Гольдин 2018]; об автономии см. [Рабинович 2021].

⁵ О других примерах «имперского поворота» в историографии о российском еврействе, см. [Horowitz 2009].

На съезде ЕКОПО «Сибирский план» вызвал нешуточные дебаты, которые дают представление о том, насколько неоднородным было российское еврейство тех лет. Среди тех, кто воспринял план в штыки, были и еврейские лидеры из Сибири. Бруцкус утверждал, что в Сибири отсутствует «коренная буржуазия» и что ее экономике не хватает еврейских ремесленников и купцов. И хотя по сравнению с европейской частью России промышленность и торговля в Сибири действительно были развиты довольно слабо, местные еврейские общины вряд ли считали свои города целиной, которая только и ждет, когда на ней начнут создавать «новые» центры. Городские центры уже существовали, и представители Томска, Иркутска и других городов напомнили Бруцкусу, что они не только живут там уже многие десятилетия, но и могут похвастаться вполне самобытным укладом и добрыми отношениями с окружающим славянским большинством. Сибирские евреи, несомненно, сочувствовали своим единоверцам, которых согнала с мест война, но не могли не понимать, чем массовый приток людей может грозить их собственным общинам.

Реакция на «Сибирский план» обнажила радикальные разногласия внутри еврейского национального движения тех лет, раскол между сионистским и несионистским подходами к вопросам миграции, территориальности, ассимиляции и еврейской культуры. Миграция стала больной темой в еврейской национальной политике еще лет за тридцать до начала войны. Переселение евреев из черты оседлости (в Палестину или в Новый Свет) виделось как решение всевозможных «еврейских вопросов», а направление было обусловлено идеологией конкретной партии. Всегда находились еврейские активисты, видевшие за очередным планом организованной миграции скрытые цели – стремление «продуктивизировать» евреев, поселив их на фермах Аргентины или Нью-Джерси, воспитать «халуцим», которые в будущем займутся строительством еврейского государства в Эрец-Исраэль (или в Восточной Африке, Австралии и т. д.). Так произошло и в августе 1915 г.: логика Бруцкуса, предложившего проект переселения евреев в Сибирь, была понятна, но возникал резонный вопрос – каковы его истинные цели?

«Более счастливое и светлое будущее»

После съезда ЕКОПО Бруцкус в течение нескольких недель подробно излагал свой план в прессе. 20 и 27 сентября 1915 г. в антиссионистской газете «Еврейская неделя» появилось его эссе «Где устроить наших беженцев?» [Бруцкус 1915а, 10–14; Бруцкус 1915б, 12–15]. Автор обсуждает ряд пунктов. Во-первых, массовая миграция должна происходить на сугобо добровольных началах. Замысел не в том, чтобы устроить «окончательный исход» из черты оседлости: «...та тактика, которой мы строго

держались по отношению к нашей заокеанской эмиграции, должна применяться и в данном случае: никого не следует побуждать бросить свой очаг» [Бруцкус 1915а, 22]. Путь на восток будет открыт только тем, кто решился «окончательно порвать со своей старой родиной» [Бруцкус 1915б, 15].

Во-вторых, Бруцкус предлагал рассматривать циркуляр 13 августа как возможность для российских евреев отстаивать собственные национальные и экономические интересы: «Мы обязаны ее использовать..., чтобы закрепить за собою вновь приобретенную позицию». Пусть падение стены вокруг черты оседлости стало следствием событий трагических, нельзя пренебрегать открывшимися горизонтами: «В постигшем нас несчастье мы должны искать путей к более счастливому и светлому будущему» [Бруцкус 1915б, 12–13]. Да, Сибирь – это далеко от дома, но разве Новый Свет ближе? «Ее отдаленность не должна их смущать, как не смутились наши эмигранты 80-х годов перед океаном, отделяющим Америку от Европы» [Бруцкус 1915б, 15].

В-третьих, Бруцкус разъяснял экономическую и политическую основу своего плана. Он приводил факты, свидетельствующие о демографическом и экономическом потенциале региона, живописуя, в частности, перспективы экспорта, ведь Сибирь, помимо скота и масла, обильна зерном настолько, что «может прокормить своим хлебом всю Европу». Блестящее будущее ждало и горнодобывающую промышленность, но для максимальной реализации ее потенциала необходимы и производители специализированных орудий труда, и искусные коммерсанты – а кто, как не еврейские ремесленники и купцы, идеально подходили на эти роли? Неизбежен был, по мнению Бруцкуса, и рост населения региона. За предыдущее десятилетие Сибирь уже приняла почти три миллиона русских крестьян. Население юго-западной Сибири в таких городах, как Омск, Томск и Ново-Николаевск (сегодня Новосибирск), выросло вдвое или почти вдвое. Сами цифры говорили о том, что перечисленные города «могут сразу принять многотысячное еврейское население». Один только Ново-Николаевск, по оценкам Бруцкуса, «может легко удвоить свое население» – с 70 000 до 140 000 – «за счет евреев» [Съезд 1915б, 32].

В-четвертых, заселение Дальнего Востока евреями было бы особенно важно «с государственной точки зрения». Здесь Бруцкус подчеркивал значение своего плана как колониального проекта, который усилил бы позиции евреев в политической экономике Российской империи. Правительство хотело заселить приграничные районы и укрепить границу с Китаем, чтобы «скорее превратить эту окраину в мощно развивающуюся страну», и для этой цели «евреи могут быть весьма полезны». Циркуляр 13 августа гарантировал, что евреям «не помешают проявить свои творческие способности на этой далекой окраине» и что, переселившись в

Сибирь, они только «укрепят свои связи с Россией и, надо полагать, свое влияние в ней» [Бруцкус 1915б, 14]⁶.

Далее Бруцкус утверждал, что переселение в Сибирь способно освободить евреев от целого сонма преследовавших в черте оседлости проблем – таких как экономическая конкуренция, бедность и социальная напряженность. «В Сибири же все одинаково являются пришельцами, и потому там должна создаться приблизительно такая же чуждая антисемитизма общественная атмосфера, как в Америке». Благодаря предполагаемому отсутствию экономической конкуренции «там открывается широчайшее поле для применения еврейского труда и еврейской предприимчивости» [Съезд 1915б, 32]. Конечно, чтобы план удался, мигранты должны включиться в местные рынки труда, как «для морального здоровья», так и потому, что «неизвестно, как долго будет длиться война, и будет ли возможность по ее окончании вернуться на старое место» [Бруцкус 1915а, 11].

Наконец, Бруцкус излагал инфраструктуру своего плана. Он призывал еврейские общественные организации в ближайшие годы поддерживать процесс массовой миграции, для чего предлагал учредить некую центральную организацию и ее трудовые бюро на местах: там предполагалось регистрировать беженцев, оценивать их квалификацию и находить для них подходящие рабочие места. Бруцкус не включил в свой план Еврейское колонизационное общество (ЕКО), действовавшее в России с 1892 г. и в числе прочего организовывавшее эмиграцию евреев в Северную и Южную Америку. ЕКО исполняло в основном роль информационного центра, в то время как организация, задуманная Бруцкусом, должна была активно координировать весь процесс, помогая потенциальным переселенцам определиться с пунктом назначения, исходя из их навыков и ситуации на рынке труда. Ведь если раньше эмигрант «прежде чем отправиться в путь-дорогу, мог спокойно обдумать, зачем и куда он едет», то беженцы военного времени оказались внезапно вырваны из своих гнезд в силу событий «катастрофального характера» [Бруцкус 1915а, 14]. Недостаточно просто поделиться с ними информацией и ожидать от них самостоятельного решения. «Что ответить вагонам с беженцами? – вопрошал Бруцкус. – Нельзя им сказать: “вот сведения... решайте сами!” Они лишены возможности решить этот вопрос» [Съезд 1915б, 23]. Необходимо было незамедлительное вмешательство тех, кто обладал соответствующими знаниями и авторитетом.

Авторитет самого Бруцкуса, равно как и его компетентность в вопросах экономики и миграции, под сомнение никто не ставил. Всю свою

---

⁶ Подробнее о планах российских властей по привлечению евреев, китайцев и корейцев к освоению Дальнего Востока см. в статье Товы Бенжамин в настоящем издании.

почти двадцатилетнюю карьеру он изучал взаимосвязь между внутренней миграцией евреев в черте оседлости и родом их занятий. С 1898 по 1907 г. он возглавлял Отдел сельского хозяйства ЕКО, помогал евреям приобрести практические профессии и найти работу в сельском хозяйстве внутри России. Он также участвовал в подготовке объемного двухтомного исследования экономической жизни российского еврейства, которое было издано ЕКО в 1904 г., а несколькими годами позже выпустил собственное исследование на ту же тему [Троцкий 1960, 490–495; Сборник 1904; Бруцкус 1913]. В 1907 г. Бруцкус перешел в ОРТ, где вскоре стал главным экспертом по экономике. После начала войны он был избран в Центральный комитет ЕКОПО, но продолжал сотрудничать и с ОРТ, организуя в Вильне и других городах курсы, призванные решить проблему безработицы среди еврейских беженцев и других гражданских лиц [Estraiikh 2009, 9]. В годы войны авторитет Бруцкуса был велик как никогда. Беспрецедентного политического влияния достигли также ОРТ и ЕКОПО: немалую часть финансовых ресурсов они получали непосредственно от государства – положение, которое Владимир Левин обозначил термином «квазиавтономия» [Левин 2015, 150].

Учитывая внушительный послужной список Бруцкуса и повышение статуса еврейских общественных организаций в годы войны, от «Сибирского плана», предложенного на съезде ЕКОПО, невозможно было просто отмахнуться. Странные идеи о Сибири появлялись в еврейской прессе и прежде. В 1871 г. один автор описывал Сибирь как «благодатный край» и «изобилующую богатствами» новую страну, куда евреям, «скупенным в грязных бедных местечках», следует немедленно начать Исход [Гончаров 2007, 210]. В 1889 г. петербургский юрист М. И. Мыш полшутя писал в «Восходе», что для «честных евреев», желающих сбежать из черты, существует только один выход: совершить преступление и быть переселенным – за счет милостивого государства – наравне с «привилегированными категориями евреев», коим дозволено «дышать сибирским воздухом» [Мыш 1889а, 1–18; Мыш 1889б, 1–21, цит. по: Войтинский и Горнштейн 1915, 25]⁷. Как не раз отмечалось в академической литературе, в русском воображении Сибирь была тропом, объединяющим две взаимоисключающие крайности, – и проклятая земля, куда отправляются умирать преступники и революционеры, и место чудесного духовного обновления и искупления, нетронутый резервуар имперского богатства и власти, русское Эльдorado, влекущее предприимчивых охотников за удачей⁸.

Риторика Бруцкуса опиралась как раз на второе представление, и если в 1889 г. Мыш мог забавляться праздными фантазиями о свежем

⁷ Сам Мыш переехал в Омск, а его сын уже в советское время стал известным хирургом в Новосибирске.

⁸ См. [Slezkine 1994; Bassin 1999].

сибирском воздухе, в августе 1915-го бездомные массы еврейских беженцев были вполне реальной проблемой, которая требовала срочного решения. «Сибирский план» опирался, разумеется, не на одни лишь мифологемы: выкладки Бруцкуса, касавшиеся экономического роста и колониальных интересов государства, подтверждались фактами и аналитикой. Более того, инфраструктура ЕКОПО военного времени – ее солидный бюджет и разветвленная сеть общественных организаций и «антикризисного» персонала – была способна воплотить проект Бруцкуса в жизнь. Его план был реалистичным, но был ли он хорош? Многие коллеги Бруцкуса ответили отрицательно.

«Экономически полезные люди»

На съезде ЕКОПО в августе 1915 г. делегаты из Томска, Иркутска и других городов от имени всех евреев Сибири выразили безусловную поддержку своим «братьям», как они называли беженцев. Вышеупомянутый Л. Л. так описывал свои чувства после первого дня конференции:

Я никогда не забуду делегатов-сибиряков, которые один за другим выступали на трибуне. Торговцы, ремесленники[,] они, далекие, заброшенные по берегам Иртыша и Байкала. Но они откликнулись на зов своего народа, истекающего кровью, и явились помогать и советовать. «К нам, в Сибирь!» предлагают они застрявшим в пути братьям. «Там приготовим для вас уют и устроим вашу судьбу!» [Л. Л. 1915, 17].

Прозвучали слова поддержки и от других сибирских делегатов. Некоторые, как иркутянин Я. Д. Фризер, были особенно эмоциональны:

Когда пришла весть о возможности для евреев селиться в городах Сибири, то местные евреи были готовы принять беженцев с открытыми объятьями. Мы желаем иметь побольше беженцев, готовы... уступить им свои квартиры... Далекое от войны, мы хотели сами почувствовать хоть частицу того, что переживают евреи в районе военных действий [Съезд 1915в, 17–18].

За выражениями солидарности, однако, скрывались серьезные противоречия и опасения. Тот же Фризер оговорился, что *в ближайшем будущем нельзя* посылать в Сибирь большое число беженцев. Другие представители Сибирского региона также предостерегали от подобного шага. Они вторили друг другу, опровергая утверждения Бруцкуса о том, что города Сибири способны принять еще много тысяч переселенцев и что экономической конкуренции там не существует.

Д. Я. Самородницкий, глава подразделения ЕКОПО и руководитель еврейской общины Томска, говорил о перенаселенности и дефиците жилья в городе. Он подчеркивал, что томские евреи ни в коем случае не безразличны к страданиям беженцев. Напротив, уже в самом начале войны они оказывали помощь пострадавшим евреям: к концу 1914 г. только в ЕКОПО Петрограда ими было направлено 4 700 рублей. Но когда в июле 1915-го в Томск начали прибывать первые поезда с беженцами, общине оказалось очень непросто найти для них жилье. Осенью 1915 г. в Томске было 420 беженцев, следующей весной их стало 650. Как и во многих других городах, подвергшихся наплыву переселенцев, томский Комитет помощи евреям сразу принялся обустройства для прибывших места в бараках, частных домах и общинных зданиях, таких как Талмуд-Тора и Солдатская синагога [Съезд 1915в, 17; Тишкина 2020, 468]. Другие еврейские общины Сибири столкнулись со схожими проблемами: в Омск приехали 600 беженцев, в Иркутскую область – 685 [Прусаков 1917, 13–14]. Если такие трудности возникли с размещением нескольких сотен беженцев в крупных городах, то, безусловно, «рано еще говорить о широкой постановке поселения в Сибири», – резюмировал Самородницкий. Он, впрочем, тут же предлагал альтернативу: почему не направлять еврейских беженцев на поселение в сибирские деревни и сельские районы, где «действительно для еврейской торговли и ремесла открыто широкое поле деятельности»? [Тишкина 2020, 468]. Однако циркуляр 13 августа, как известно, по-прежнему запрещал евреям селиться в деревнях. «Сибирский план» в текущий момент невозможно было осуществить.

Другой делегат, М. А. Кроль, до переезда в Петроград проживший большую часть жизни в Иркутске, заявил, что Бруцкус «слишком оптимистически смотрит на наши возможности в Сибири» [Съезд 1915в, 17]. Он отметил, что даже те граждане, что имели право на жительство в Сибири, были ограничены в передвижениях теми или иными правилами, в частности, не могли свободно передвигаться или работать вне территории уезда, к которому приписаны. В то же время Кроль, вслед за Самородницким, указал на то, что в удаленных уголках Сибири, в сельской местности, существовал немалый спрос на обувь, кожу и мебель: все это приходилось привозить издалека, в том числе и из черты, что было сопряжено с серьезными расходами. Это открывало перспективы переселения в те районы, где ощущалась нехватка ремесленных товаров. Там была бы гарантирована работа, отсутствие конкурентов, а «емкость Сибири для еврейского населения была бы действительно велика». Еще один оратор, А. С. Вольфсон, также выразил свое согласие с тем, что на проблему переселения в Сибирь «должно быть обращено самое серьезное внимание» и что обязательным условием должно быть направление беженцев напрямую в сельские области, где есть спрос на «готовое платье, обувь, [и] шапки из городов “черты”» [Съезд 1915в, 17].

Противники переселения исходили не только из экономических условий. В их выступлениях сквозили опасения, что массовая еврейская миграция может нанести ущерб имиджу и статусу сибирского еврейства в глазах окружающего нееврейского большинства. Вот как обосновывал свою позицию Кроль: «Нам очень важно, чтобы первое впечатление местного населения от встречи с евреями было благоприятно для последних, чтобы оно *видело в евреях людей экономически полезных* [курсив мой – П. З.]. Было бы очень грустно, если бы евреи явились впервые с рукой, протянутой к помощи» [Съезд 1915в, 17–18]. Фризер, в свою очередь, тоже осторожно указывал на то, что *в данный момент* соседи воспринимают евреев позитивно и антисемитизм в регионе практически отсутствует: «Отношения с окружающим населением хорошие – даже *Союз русского народа в Иркутске безобидный*». Появление большого количества беженцев в городах может нарушить эту идиллию, особенно если переселенцы будут нуждаться в благотворительной поддержке. Тем не менее, подчеркнул он, «мы должны заботиться о наших братьях», *даже если* придется чем-то пожертвовать – «пусть будут даже нарушены хорошие отношения с окружающим населением» [Съезд 1915в, 18]. Это утверждение выражало понимание того, что наплыв бедных и безработных евреев может подорвать сложившиеся отношения между местными евреями и их славянскими соседями. В выступлениях сибирских делегатов отчетливо проявлялся коллективный нарратив, самовосприятие сибирского еврейства как местного меньшинства и как диаспоры, ассоциирующейся с евреями черты оседлости. Вероятность того, что массовая миграция изменит эту ассоциацию к худшему, спровоцировала страхи и опасения.

В плане Бруцкуса ни один из факторов, беспокоивших евреев Сибири, не был взят в расчет. Он исходил из того, что экономика и население региона в последние десятилетия интенсивно росли, и теперь города готовы принять сотни тысяч мигрантов. С середины 1890-х по 1914 г. за Урал действительно переселились около 3,7 миллиона российских подданных, и развитие экономики за ростом населения не поспевало. Так, население Читы, например, выросло с 4 000 до 70 000 человек. В таких городах, как Томск, Омск, Иркутск и Владивосток цифры также увеличились в несколько раз: к началу войны в каждом из них проживало сто и более тысяч человек [Бруцкус 1915а, 13; Большаков 1926, 4].

В той волне добровольной миграции евреи, впрочем, не участвовали. Еврейское население, проживавшее в Сибири на момент начала войны, попало туда другими путями. Первыми еврейскими поселенцами Сибири стали ссыльные и «никлаевские солдаты», как тогда называли кантонистов. Купцов и земледельцев, приехавших туда по своей воле, было крайне мало. В их число входили и 1 360 еврейских колонистов, переехавших в Сибирь после ноября 1836 г., когда царь Николай I пред-

ложил им землю в Омской области и Тобольской губернии. Еще одна, количественно совсем уже незначительная, категория – купцы первой гильдии и лица с высшим образованием, уехавшие в Сибирь в период между реформами Александра II и 1907 г. (когда Сенат лишил их права селиться в Сибири) [КЕЭ 1994, 791–799].

Несмотря на то, что большинство евреев попадали в регион не по собственной воле, на протяжении XIX–XX вв. еврейское население Сибири – и городское, и сельское – продолжало достаточно быстро расти, и к началу Первой мировой войны насчитывало около 59 000, что составляло 0,6% от общего населения. Евреи проживали примерно в 30 областях, распределяясь приблизительно поровну между Западной и Восточной Сибирью и примерно в равных долях по городам и деревням [Гольдберг 1918, 16]. Еврейское население Омска с 1860-го до 1913 г. увеличилось в десять раз – с 318 человек в 1860 г. (1,6% от 19 772) до 3 746 (2,7% от 137 245). Значительный прирост населения пришелся на новые города, основанные вдоль железнодорожных трасс после 1905 г. Так, например, в Ново-Николаевске с 1909-го до 1913 г. еврейское население выросло почти вдвое, с 642 (1,2% от 53 500) до 1 177 (1,4% от 84 071), обогнав даже головокружительные темпы роста общего населения в Сибири. Еще более впечатляющий рост продемонстрировало еврейское население городов Восточной Сибири, особенно Иркутска, где с 1863-го до 1909 г. число евреев выросло с 283 (1% от 27 989) до 6 170 (5,6% от 108 000). К началу войны евреи являлись самым многочисленным религиозным меньшинством Иркутска; за ними следовали пятитысячные общины мусульман и католиков [Войтинский и Горнштейн 1915, 42, 51–52; Гончаров 2013, 34, 37, 41–43].

Как отмечалось выше, рост еврейского населения Сибири в XIX в. невозможно объяснить миграцией из черты оседлости: причина скорее в естественном кумулятивном росте при смене поколений. Сыграла свою роль и урбанизация. Несмотря на то, что для большинства евреев переезд в Сибирь не был добровольным, история сибирского еврейства неожиданно оказалась историей успеха, особенно в том, что касалось экономики. К началу XX в. у еврейской общины каждого крупного города были свои меценаты, которые финансировали постройку синагог и учреждение современных институций, как, например, отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России в Томске и Иркутске [Гончарова 2007, 74]. Это были успешные купцы и промышленники, дети и внуки тех евреев, что прибыли туда в качестве ссыльных, каторжан или царских солдат. Авторы широко известного исследования еврейской общины Иркутска, опубликованного в 1915 г., с воодушевлением говорили об этой триумфальной эволюции: потомки «людей, пришедших в Сибирь без гроша в кармане, с голыми руками и цепями на ногах», нынче «играют роль носителей капиталистического

духа» и представляют собой «аванпост европейской колонизации» [Войтинский и Горнштейн 1915, 85, 87, 123].

Таких трансформаций «из грязи в князи» действительно случилось немало. В 1870-е виноторговец Э. Мильштейн оплатил постройку городской синагоги в Красноярске. Сам же он попал в Сибирь еще мальчишкой в 1831 г., когда его семья переехала туда из Волыни: отца приговорили к девятнадцати годам каторги за воровство. Н. Капельман, сын николаевского солдата, служившего в Сибири, стал одним из богатейших коммерсантов Забайкалья, и его предприятия перерабатывали 10% всех лесоматериалов тогдашнего Верхнеудинского уезда. Я. С. Домбровский родился в 1791 г. в Ковенской губернии. В юности он был арестован во время попытки нелегального пересечения границы и сослан в деревню на реке Лена. Будучи в ссылке, женился на местной еврейке и открыл лавку, а по окончании срока переехал с семьей в Иркутск. К 1871 г., когда ему исполнилось восемьдесят, он был купцом первой гильдии и одним из самых щедрых и уважаемых благодетелей еврейской общины города [Кальмина 2013, 13; Сыркин 1915, 88].

Истории, пусть единичные, этих людей, их путь к богатству и признанию, отражают тенденции экономической мобильности среди сибирских евреев. К 1913 г. евреи играли ведущую роль почти в каждой значимой отрасли Забайкалья, включая приграничную торговлю с Китаем и Монголией. Они стали заметными игроками в пароходстве и железнодорожных перевозках, в лесообработке и производстве кожи, меха, вина, минеральной воды и мыла. В Чите евреи составляли всего 12,6% от общего населения, но целую треть среди купцов всех гильдий. В Верхнеудинске соответственно 15,5% и две трети [Гончаров 2013, 41–43]. Евреи Иркутска также весьма преуспели: в 1912 г. их было только 6% от общего числа горожан, но среди купцов первой гильдии – 77%, а их налоговым выплатам город был обязан 20% прибыли. Евреям также принадлежали 35% всех предприятий химической промышленности, 75% ювелирных магазинов, 72% магазинов оптики и 62% мукомольных и зернообрабатывающих предприятий [КЕЭ 1994, 793–795; Кальмина 2013, 14; Войтинский и Горнштейн 1915, 94, 102, 107–108].

Таким образом, когда Бруцкус рекламировал экономику Сибири как «широкое поле», готовое принять еврейских предпринимателей и ремесленников, все крупные города региона уже имели свои довольно значительные еврейские общины, и члены этих общин уже несколько десятилетий выстраивали собственные социально-экономические связи в регионе. Их положение во многом перекликалось с историей первых поколений еврейских эмигрантов из германских земель, прибывших в Соединенные Штаты в первой половине XIX в. Евреям Сибири удалось создать самобытный, гибридный формат русифицированной еврейской идентичности, способствовавший процессам местной аккультурации,

интеграции и социального роста. Эта идентичность обрела четкие и узнаваемые контуры еще за полвека до войны, если не раньше. Петербургский еврей И. Сыркин, вернувшийся из путешествия по Дальнему Востоку в 1871 г., написал, что «сибирские евреи, по большей части потомки ссыльных, плохо знали еврейскую грамоту, но были по-своему набожны» [Сыркин 1915, 86]. Спустя сорок лет, в 1911 г., Ю. Островский пришел к выводу, что «под влиянием местных условий образовалась в Сибири своеобразная группа евреев, с совершенно иным укладом жизни, чем у их братьев в Европейской России» [Островский 1911, 7]. Они были не так благочестивы в исполнении заповедей (у них, например, практически нет ритуальных резников и раввинов), но ощущали себя евреями и очень гордились тем, что хранят традиции отцов, выстраивая величественные синагоги, поддерживая погребальные братства и проявляя солидарность со своими единоверцами по всей стране (перечисляя, например, средства для помощи жертвам погромов на юге России в 1903 и 1905 гг.).

Когда началась война, еврейские общины Сибири продолжили поддерживать своих собратьев в европейской части России. К концу 1914 г. петроградское ЕКОПО получило из Владивостока, Омска и других сибирских городов несколько тысяч рублей пожертвований в пользу пострадавших от войны. Тем не менее реакция представителей Томска и Иркутска на план Бруцкуса, то есть на перспективу *физического перемещения* жертв войны в их общины, выдавала коллективный страх сибирского еврейства, а точнее – стремление уберечь свои относительно недавно обретенные статус и идентичность национального меньшинства. К тому же сибирские евреи находились в Сибири уже несколько десятилетий, и им не могли понравиться слова Бруцкуса о *будущих* еврейских мигрантах как о «пионерах на Востоке». Как заметил Фризер, «евреи в сибирской промышленности являются пионерами» [Съезд 1915в, 17]. Составляя менее 1% от населения громадного региона, сибирские евреи не без оснований претендовали на отдельность и уникальность – как культурную, так и экономическую. Желание сибирских еврейских лидеров защитить свой статус от изменений обусловило их неприятие «Сибирского плана». Они охотно поддерживали своих братьев на западе страны морально и финансово, но, вероятно, были не готовы жить рядом с ними.

«Наши маленькие Шифы»

«Сибирский план» породил бурные обсуждения более широкого круга вопросов, касавшихся массового переселения и роли в нем еврейских организаций. Все понимали, что предложение Бруцкуса подразумевало именно организованную миграцию евреев, подобную той, что они уже видели не раз. ЕКО курировало эмиграцию в Новый Свет на протяжении

более двадцати лет; существовала также Еврейская территориальная организация (известная по идишскому акрониму ИТО), основанная Израилем Зангвиллом в 1905 г. в Лондоне, и, конечно же, Всемирная сионистская организация, которая спонсировала и организовывала еврейские колонии в Палестине [Norman 1985, 42–53; Alroey 2016].

Концептуально ключевой вопрос состоял в том, какой принцип оптимален для организации массовой миграции – «концентрации» или «расселения»: рациональнее селить еврейских беженцев крупными кластерами в избранных городах или же направлять небольшие группы мигрантов в большее количество населенных пунктов? [Съезд 1915в, 20]. Вопрос был отнюдь не умозрительным: он отражал серьезные идеологические различия. Сторонники «концентрации» ратовали за воссоздание модели сплоченных еврейских общин, которая позволит сохранить национально-культурную атмосферу, и выступали против «расселения», подразумевавшего погружение евреев в такую среду, где наиболее вероятны плотные контакты с неевреями, что неизбежно приведет к ассимиляции.

Вскоре после выступления Бруцкуса на съезде москвич Г. Соколовский с резкой критикой обрушился на его план, употребив термин «расселение» и припомнив Гальвестонский проект 1907–1914 гг., когда прибывавших в Америку русских евреев пытались расселять на Юге и Среднем Западе вместо уже переполненных эмигрантами городов северо-восточного побережья. За Гальвестонским проектом стоял влиятельный еврейский банкир и филантроп Джейкоб Шифф, доверивший осуществление плана Управлению по перемещению промышленных предприятий (Industrial Removal Office; IRO) – еврейской организации, работавшей в Нью-Йорке с 1901 г. и уже переселившей десятки тысяч еврейских эмигрантов в разных концах США [Marinbach 1983; Glazier 1999]. В течение почти восьми лет IRO работало из штаба в Нью-Йорке и местного офиса в Гальвестоне, штат Техас, курируя около десяти тысяч еврейских переселенцев в двадцати пяти штатах к западу от реки Миссисипи. Наиболее крупные группы были распределены в города Техаса, Небраски, Айовы, Миссури и Миннесоты [Waldman 1928, 198]. Партнерами программы стали ИТО и ЕКО: они занимались рекрутированием потенциальных эмигрантов в России, фиксировали их профессиональную квалификацию и «вели» их вплоть до отбытия из порта в сторону Нового Света. IRO, в свою очередь, сопровождало прибывших на всех этапах поселения в США, помогая им с трудоустройством. Рынок труда оно исследовало заранее, таким образом гарантируя, что эмигранты не станут сидеть на шее у благотворителей до распределения по разным местам – «резника в Канзас Сити, кузнеца в Омаху, а сапожника в Шривпорт» [Evans 2005, 97]. Методика IRO – находить работу для эмигранта еще до

его прибытия из-за океана в Гальвестон – могла стать вдохновляющим образцом и для «Сибирского плана» Бруцкуса.

Однако если Гальвестонский проект для Бруцкуса был положительной моделью, то для других он был примером неудачи. Так, Соколовский не преминул напомнить делегатам ЕКОПО, что в 1914-м «Гальвестонское предприятие потерпело крушение». Проект закончился тем, что портовые иммиграционные власти начали отказывать еврейским пассажирам во въезде без достаточных на то оснований (и, как мы знаем, в намного большем масштабе, чем это происходило в портах Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии) [Съезд 1915в, 20; Marinbach 1983, 59–60, 166–172]. Соколовский упомянул Гальвестонский проект как поучительную историю-предупреждение – и не только потому, что он закончился крахом, но и потому, что предполагаемые мотивы Шиффа, побудившие его финансировать расселение эмигрантов, были удобным аргументом для дискредитации «Сибирского плана» как еще одного проекта по «расселению», а значит – по ассимиляции:

Шиф [так!] имел в виду не только отклонить поток еврейской эмиграции от переполненных центров Нью-Йорка..., но и распылить, рассеять еврейскую эмиграцию, чтобы создать из еврейских эмигрантов раньше всего хороших американцев. Нужно остерегаться наших маленьких Шифов и их ассимилянтских вопросов о расселении [Съезд 1915в, 20].

Для Соколовского отсылка к Шиффу служила скорее риторическим приемом, чем фактическим аргументом: его единственной целью было выстроить аналогию между Шиффом и Бруцкусом. Шифф – представитель элиты, аккультурированный американский еврей немецкого происхождения – неоднозначно относился к миллиону русско-еврейских эмигрантов, наводнивших нью-йоркский Ист-Сайд, и это ни для кого не было секретом. В то же время он оставался последовательным защитником еврейских интересов, выступая против принятия антииммигрантских законов в Конгрессе и сражаясь за то, чтобы порты Америки оставались открыты для еврейских переселенцев из России. Пока критики в нью-йоркской идишской прессе оплакивали «удаление» евреев в маленькие городки и сельские поселения Америки как ассимиляционистский план, другие, как, например, уважаемый общественный деятель Борис Боген, восхваляли деятельность IRO как попытку спасти евреев от чудовищного рабства нью-йоркских потогонных мастерских и дать им возможность лучшей жизни – идея, которая должна была быть близка Бруцкусу [Glazier 1999, 116–120].

Соколовский попытался скомпрометировать «Сибирский план», представив его как русскую версию Гальвестонского проекта, за которым стояло желание убраться «проблематичных» бездомных евреев из перена-

селенной черты и рассеять их по восточным рубежам империи, где они станут «хорошими» русскими. Говоря о целях, которыми якобы руководствовался Бруцкус, Соколовский прибегал к предельному упрощению, как и в своей оценке Шиффа. Он попросту проигнорировал те аспекты «Сибирского плана», в которых речь шла о долгосрочных экономических и социальных перспективах еврейских переселенцев.

Такое же идеологически обоснованное противостояние «Сибирскому плану» прозвучало и из сионистского лагеря. Это было вполне предсказуемо, принимая во внимание, что сионисты всегда критиковали любую группу, которая продвигала массовую еврейскую эмиграцию куда бы то ни было, кроме Палестины. Комментарии М. С. Алейникова, ведущего деятеля Российской сионистской организации и члена ЕКОПО, иллюстрируют этот подход. Свой ответ Бруцкусу он начал с вопроса об ассимиляции:

Так же[,] как и в Америке, и у нас возникает теперь идеология рассеивания и ассимиляции, и в разработке принципов работы мы не должны ее обойти молчанием. Кроме того, наша деятельность должна быть направлена к оздоровлению еврейской общественности. Переселение происходит под влиянием исторического инстинкта концентрации, и наша задача ему только содействовать и не мешать тенденциям свободной эмиграции [Херути 1915, 29].

Алейников восставал не только против «расселения» как синонима «ассимиляции», но и против колониального характера «Сибирского плана». Сибирь, говорил он, возможно, не лишена достоинств в качестве территории для еврейской миграции, и добавлял: «Мы, однако, предупреждаем от “Сибиризма” как национально-политического увлечения, и в самом указании на Сибирь усматриваем... стремление к колонизации. Отрадным является для нас во всем этом то обстоятельство, что еврейство идет физически облегченное дальше, по пути исторических скитаний, а этот путь ведет его в лоно старой родины, в Сион» [Херути 1915, 29].

Фактически Алейников представил «Сибирский план» как прямую конкуренцию сионистскому проекту. Для сионистов колонизация была средством для достижения цели – построения еврейского государства; план же Бруцкуса эксплуатировал идею колонизации во имя имперского строительства России, и, что еще тревожнее, для ассимиляции евреев. Иными словами, по мнению Алейникова, сионизм предлагал евреям будущее на их исторической родине, в то время как «сибиризм» стал бы концом еврейской жизни в России. Бруцкус отверг новоиспеченный термин: «Тут говорили о “сибиризме”, но этот жупел не изменяет экономических положений доклада», – ответил он Алейникову [Съезд 1915г,

24]. Бруцкус подчеркивал прагматический аспект своего плана, пытаясь очистить его от любых идеологических обертонов. Если уж противопоставлять Сибирь чему-то, так это не Сиону, а Америке. Бруцкусу Сибирь виделась новым еврейским центром, «аналогичны[м] нашему центру в Новом Свете» [Бруцкус 1915а, 13].

Заключение

Во время Первой мировой войны Сибирь привлекла лишь немногих беженцев-евреев. В XX в. у нее не было шансов сравняться по притягательности с Америкой или Палестиной. Как сказано выше, в годы войны только около 6% еврейских беженцев переселились в Сибирь, в то время как в одной только Пензенской губернии осело около 10 300 евреев, в Саратовской – 9 050, в Харьковской – 6 375, а в Тамбовской – 6 000 [Прусаков 1916, 3–4; Прусаков 1917, 13–14; Гольдберг 1918, 156]. Из тех, кого поезда все же доставили за Урал, большинство были уроженцами Гродненской, Волынской и Хелмской губерний. Они не собирались ехать в Сибирь, но попали туда по воле «блуждающих поездов», отвозивших их все дальше и дальше на восток, потому что города были переполнены и местные власти отказывали им во въезде.

«Сибирский план» возник как моментальный ответ на острый кризис и гуманитарную катастрофу, но в его идеях отразились те вызовы, амбиции и внутренние конфликты, которые были определяющими для российского еврейства в период политических потрясений и трансформаций. Представляя переселение беженцев как проект внутренней миграции, Бруцкус вписал насущные потребности перемещенных евреев в куда более объемное видение экономического развития. Однако его план, как оказалось, крайне слабо соотносился с реалиями еврейской жизни в Сибири, и реакция на него обнажила не только географический, но и культурный разлом, образовавшийся среди евреев Российской империи за без малого сто лет. К началу XX в. сибирские евреи стали отдельной, самобытной диаспорой: они не ассоциировали себя с «западным» русским еврейством и стояли на страже своих, местных, интересов даже тогда, когда помогали беженцам. Критические оценки «Сибирского плана», высказанные представителями разных сегментов еврейского политического спектра, также демонстрировали неоднородность национального движения в том, что касалось вопросов миграции, ассимиляции и колонизации. Никто не ставил под сомнение древний принцип «коль израэль аревим зе ба-зе» («все евреи в ответе друг за друга»), но когда нужно было решить, как и куда именно переселять беженцев, консенсус разбивался вдребезги и различные идеологии и политические соображения влияли на то, какие решения будут предложены.

Сегодня, оглядываясь назад, можно утверждать, что «Сибирский план» был не просто порождением своего времени, он это время опережал. Сибирь оставалась «страной будущего», – писал А. Д. Киржниц, бундист, сосланный в Иркутск в годы войны и проживший там много лет уже по окончании ссылки [Киржниц 1916, 71]. После того, как Февральская революция сняла все законодательные ограничения, а Октябрьская запустила процессы внутренней миграции, быстрой урбанизации и индустриализации, десятки тысяч евреев из западной России, ставших советскими гражданами, устремились в сибирские города: к 1926 г. еврейское население Иркутска, Омска и Красноярска выросло почти втрое. В одном Бруцкус оказался прав: все эти люди порвали со своим прошлым, со своей исторической еврейской родиной, с бывшей чертой, чтобы отправиться в страну возможностей. Наряду с Москвой, Киевом и Ленинградом такие города, как Томск, Новосибирск, Иркутск и др. открывали широкие экономические и культурные горизонты.

«Новый еврейский центр», рожденный воображением Бруцкуса как имперский форпост и конкурентный вызов Америке, так и не стал реальностью, но продолжил существовать в мире идей и идеалов. Спустя всего десять лет после окончания Первой мировой войны, в 1928 г., Сталин воплотил его уже в совершенно ином экономическом и политическом контексте, и за три коротких года ему удалось запустить план переселения еврейских колонистов на Дальний Восток, создав Еврейскую автономную область в Биробиджане. То, что Алейников в 1915 г. саркастически называл «сибиризмом», в 1931-м стало настоящей советской альтернативой сионизму. Но это уже совсем другая история.

Источники

- Алейников 1915 – *Алейников М.* Черта расширяется // Еврейская жизнь. 1915. № 8 (23 августа). С. 3–4.
- Большаков 1926 – *Большаков М.* Перспективы и задачи переселения // К вопросу о колонизации Сибири: сборник статей / Ред. В. Лаврова. Новосибирск: Изд. Сибирского Краевого Исполнительного комитета советов, 1926. С. 3–11.
- Бруцкус 1913 – *Бруцкус Б. Д.* Очерки по вопросам экономической деятельности евреев в России. Выпуск 1-й. СПб.: Типография А. Я. Гинзбурга, 1913. 230 с.
- Бруцкус 1915а – *Бруцкус Б. Д.* Где устроить наших беженцев? // Еврейская неделя. 1915. № 18 (20 сентября). С. 10–14.
- Бруцкус 1915б – *Бруцкус Б. Д.* Где устроить наших беженцев? // Еврейская неделя. 1915. № 19 (27 сентября). С. 12–15.

- Войтинский и Горнштейн 1915 – *Войтинский В. С., Горнштейн А. Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск: Хозяйственного Правления Иркутского Еврейского Молитвенного Дома и Иркутского Отдела Общ. Распростран. Просвещ. Между евреями в России, 1915. 392 с.
- Гольдберг 1918 – *Гольдберг Б.* Еврейский ежегодник «Кадима» на 1918–1919 гг. Пгг.: Изд. Кадима, 1918. 218 с.
- Законы 1916 – Законы и распоряжения о беженцах. М: Изд. ВСГ, 1916. Т. 1. 103 с.
- Киржниц 1916 – *Киржниц А. Д.* Еврей в хозяйственной жизни Восточной Сибири // Вестник трудовой помощи среди евреев. 1916. № 3–4 (Февраль-март). С. 68–71.
- Л. Л. 1915 – *Л. Л.* Впечатления // Еврейская неделя. 1915. № 15 (30 августа). С. 16–18.
- Месяцев 1926 – *Месяцев П.* Интересы Сибкрая в вопросах колонизации // К вопросу о колонизации Сибири: сборник статей / ред. В. Лаврова. Новосибирск: Изд. Сибирского Краевого Исполнительного комитета советов, 1926. С. 12–16.
- Мыш 1889а – *Мыш М. И.* О евреях в Сибири // Восход, 1889. Т. 9. № 7. С. 1–18.
- Мыш 1889б – *Мыш М. И.* О евреях в Сибири // Восход, 1889. Т. 9. № 8. С. 1–20.
- Островский 1911 – *Островский Ю.* Сибирские евреи // СПб.: типогр. I. Лурье и Ко. 62 С.
- Отчет ЕКОПО 1918 – Отчет Центрального Еврейского Комитета Помощи Жертвам Войны с начала деятельности по 30 июня 1917 г. Пгд: Типография М. Волковича, 1918. 54 с.
- Прусаков 1916 – *Прусаков Г.* Состав и расселение беженцев и выселенцев-евреев // Дело помощи. № 1 (1 июня). С. 1–7.
- Прусаков 1917 – *Прусаков Г.* Состав и расселение беженцев и выселенцев-евреев // Дело помощи. № 1–2 (20 января). С. 1–17.
- Сборник 1904 – Сборник материалов об экономическом положении евреев в России // СПб.: Изд. Еврейского Колонизационного общества, 1904. Т. 1. 410 с.
- Съезд 1915а – Съезд представителей комитетов помощи: Отчет о съезде // Еврейская неделя. 1915. № 15 (30 августа). С. 13–23.
- Съезд 1915б – Съезд представителей комитетов помощи: Отчет о съезде // Еврейская неделя. 1915. № 16 (6 сентября). С. 24–37.
- Съезд 1915в – Съезд представителей комитетов помощи: Отчет о съезде // Еврейская неделя. 1915. № 17 (13 сентября). С. 16–21.
- Съезд 1915г – Съезд представителей комитетов помощи: Отчет о съезде // Еврейская неделя. 1915. № 18 (20 сентября). С. 17–24.
- Сыркин 1915 – *Сыркин И.* Из впечатлений минувшего века. Еврейская старина. 1915. Т. VIII С. 85–99.
- Чернович 1915 – *Чернович С.* В новой черте // Еврейская жизнь. 1915. № 10–11 (6 сентября). С. 21–23.

Херути 1915 – *Херути III*. Совещание представителей еврейских комитетов помощи // *Еврейская жизнь*. № 9 (30 августа). С. 11–17.

Литература

- Бейзер 1999 – *Бейзер М.* Евреи Ленинграда, 1917–1939. Национальная жизнь и советизация. М., Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 1999. 447 с.
- Гольдин 2018 – *Гольдин С.* Русская армия и евреи, 1914–1917. М.; Иерусалим: Гешарим, 2018. 448 с.
- Гончаров 2007 – *Гончаров Ю. М.* К проблеме изучения региональной идентичности евреев дореволюционной Сибири // *Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность*. Т. 3. Красноярск: Кларетианум, 2007. С. 209–216.
- Гончаров 2013 – *Гончаров Ю. М.* Еврейские общины Западной Сибири (XIX – нач. XX вв.). Барнаул: Азбука, 2013. 174 с.
- Гончарова 2007 – *Гончарова Е. З.* Деятельность «Общества для распространения просвещения между евреями в России» в Томске на рубеже XIX–XX вв. по материалам периодической печати // *Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность*. Т. 3. Красноярск: Кларетаниум, 2007. С. 67–82.
- Кальмина 2001 – *Кальмина Л. В.* Генезис еврейского купечества в Восточной Сибири // *Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока*. Т. 6. Красноярск; Иркутск: Кларетианум, 2001. С. 10–15.
- Кальмина 2014 – *Кальмина Л. В.* Война начала XX в. как катализатор экономического развития Забайкалья // *Сибирь и войны XIX–XX веков: сборник материалов Всероссийской научной конференции*, ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 58–60.
- КЕЭ 1994 – *Краткая еврейская энциклопедия*. Т. 7. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1994. 545 с.
- Левин 2015 – *Левин В.* Еврейская национальная квазиавтономия в Российской империи: парламентская политика, гражданское общество и вопрос беженцев в период Первой мировой войны // *Первая мировая война и Государственная Дума. Материалы Международной научной конференции*, ред. Р. А. Циунчук. М.: Изд. Гос. Дума, 2015. С. 150–157.
- Певзнер 2010 – *Певзнер Е.* Еврейский комитет помощи жертвам войны (1914–1921) // *Тирош – труды по иудаике*. Вып. 10. М.: Сэфер, Институт славяноведения РАН, 2010. С. 141–154.
- Рабинович 2021 – *Рабинович С.* Права нации: Автономизм в еврейском национальном движении в позднеимперской и революционной России. М.: НЛО, 2021. 400 с.

- Тишкина 2020 – *Тишкина К. А.* Еврейские организации Западной Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн и проблема еврейских беженцев // *Научный диалог*. 2020. № 5. С. 465–481.
- Троцкий 1960 – *Троцкий И.* Самодеятельность и самопомощь русского еврейства // *Книга о русском еврействе от 1860-х годов до Революции 1917 г.* Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960. С. 471–497.
- Alroey 2016 – *Alroey G.* *Zionism without Zion: The Jewish Territorial Organization and Its Conflict with the Zionist Organization.* Detroit: Wayne State University Press, 2016. 359 p.
- Bassin 1999 – *Bassin M.* *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 329 p.
- Estraikh 2009 – *Estraikh G.* Changing Ideologies of Artisanal ‘Productivisation’: ORT in Late Imperial Russia // *East European Jewish Affairs*. 2009. № 39(1). P. 3–18.
- Evans 2005 – *Evans E.* *The Provincials: A Personal History of Jews in the South.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2005. 440 p.
- Gatrell 1999 – *Gatrell P.* *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I.* Bloomington: Indiana University Press, 1999. 317 p.
- Glazier 1999 – *Glazier J.* *Dispersing the Ghetto: The Relocation of Jewish Immigrants Across America.* Ithaca; London: Cornell University Press, 1999. 256 p.
- Horowitz 2009 – *Horowitz B.* *Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th-Century Russia.* Bloomington: Slavica Publishers, 2009. 305 p.
- Katz 2017 – *Jews and Colonialism* / Eds. E. Katz, L. M. Leff, M. S. Mandel. Bloomington: Indiana University Press, 2017. 370 p.
- Marinbach 1983 – *Marinbach B.* *Galveston: Ellis Island of the West.* Albany: State University of New York Press, 1983. 240 p.
- Norman 1985 – *Norman T.* *An Outstretched Arm: A History of the Jewish Colonization Association.* Boston; London: Routledge and Kegan Paul, 1985. 326 p.
- Slezkine 1994 – *Slezkine Yu.* *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North.* Ithaca: Cornell University Press, 1994. 476 p.
- Sverdlova 1987 – *Sverdlova M.* На-vaad ha-yehudi le-ezrat nifgeei ha-milhamah (УЕКОРО) berusyah, 1914–1916 [иврит] // *Yahadut zmanenu*. 1987. № 4. P. 269–288.
- Sverdlova 1989 – *Sverdlova M.* УЕКОРО vaha-siyua le-nifgeei ha-milhamah bemerts-oktober 1917 [иврит] // *Shvut*. 1989. № 13. P. 19–30.
- Waldman 1928 – *Waldman M.* *The Galveston Movement: Another Chapter from the Book Which May Never Be Written* // *The Jewish Social Service Quarterly*. 1928. № IV(3). P. 197–205.

Siberia as a “New Jewish Center”: A Plan to Resettle Refugees in Russia during the First World War

Polly Zavadviker

(Newark, Delaware)

PhD in History, Assistant Professor

University of Delaware, Department of History

ORCID: 0000-0002-8470-216X

E-mail: pollyz@udel.edu

Abstract: In the spring and summer of 1915, during World War I, nearly half a million (and by some estimates, up to one million) Jewish civilians fled or were expelled by the Russian Army from front zones in Polish and Lithuanian territories. This article examines questions connected with the idea, proposed by the leaders of Jewish relief organizations in Petrograd, and by the economist B. D. Brutskus in particular, to resettle Jewish refugees in Siberia. The so-called “Brutskus Plan” and reactions to it shows that, first, Russian Jewish intellectuals thought within an explicitly imperial framework; second, negative reactions to the plan on the part of Siberian Jews themselves shed light on the tremendous geographic diversity and heterogeneity of the empire’s Jewish population; and third, opponents to the Siberian plan exposed internal conflicts within the Jewish national movement (chiefly between Zionists and non-Zionists) in regard to migration and settlement.

Keywords: Migration, refugees, resettlement, Zionism, humanitarian aid, Russian Jews, World War I, Siberia

References

- Estraikh, G., 2009, Changing Ideologies of Artisanal ‘Productivisation’: ORT in Late Imperial Russia. *East European Jewish Affairs*, 39, 1, 3–18.
- Gatrell, P., 1999, *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. Bloomington, Indiana University Press.
- Glazier, J., 1999, *Dispersing the Ghetto: The Relocation of Jewish Immigrants Across America*. Ithaca; London, Cornell University Press.
- Gol’din, S., 2018, *Russkaia armiia i evrei, 1914–1917* [The Russian Army and the Jews, 1914–1917]. Moscow; Jerusalem, Mosty kul’tury, Gesharim.
- Goncharov, Iu., 2013, *Evreiskie obshchiny Zapadnoi Sibiri (XIX – nach. XX vv.)* [Jewish Communities of Western Siberia (19th – early 20th centuries). Barnaul, Azbuka.

- Horowitz, B., 2009, *Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th-Century Russia*. Bloomington, Slavica Publishers.
- Kal'mina, L., 2001, Genezis evreiskogo kupechestva v Vostochnoi Sibiri [The Origins of the Jewish Merchant Class in Eastern Siberia]. *Evreiskie obshchiny Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Jewish Communities of Siberia and the Far East], 7. Krasnoiarsk; Irkutsk, 2001, 10–15.
- Katz, E., Leff, L. M., and Mandel, M. S., 2017, *Jews and Colonialism*. Bloomington, Indiana University Press.
- Levin, V., 2015, Evreiskaia natsional'naia kvaziavtonomiia v Rossiiskoi imperii: parlamentskaia politika, grazhdanskoe obshchestvo i vopros bezhentsv v period Pervoi Mirovoi voiny [Jewish National Quasi-Autonomy in the Russian Empire: Parliamentary Politics, Civil Society and the Issue of Refugees during the First World War]. *Pervaia Mirovaia voina i Gosudarstvennaia Duma. Materialy Mezhdunaroidnoi nauchnoi konferentsii* [The First World War and the State Duma. Proceedings from an International Academic Conference], ed. R. Tsiunchuk, 150–157. Moscow, Izd. Gos. Duma.
- Rabinovitch, S., 2014, *Prava natsii: Avtonomizm v evreiskom natsional'nom dvizhenii v pozdneimperskoi i revoliutsionnoi Rossii*. [Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Slezkine, Y. 1994, *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press.
- Tishkina, K., 2020, Evreiskie organizatsii Zapadnoi Sibiri v gody Pervoi Mirovoi i Grazhdanskoi voyn i problema evreiskikh bezhentsv [Jewish Organizations of Western Siberia during the First World War and Civil War and the Problem of Jewish Refugees]. *Nauchnyi dialog*, 5, 465–481.